

УНИВЕРСАЛИЗМ Л.С.ВЫГОТСКОГО И КУЛЬТУРА РУССКОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

А.Ф.БОНДАРЕНКО

Магический кристалл творчества Л.С.Выготского весьма тщательно огранен и оправлен в историческом витке советской психологии. Общепризнана роль Л.С.Выготского в обогащении идейного и понятийного содержания психологии XX столетия в целом.

При этом, насколько нам известно, почти не освещен важнейший для отечественной психологии аспект творчества Л.С.Выготского: его роль и место в развитии собственно русской психологической мысли, в продолжении традиций русской психологической культуры в том ее своеобразии, которое изначально задано христианскими истоками русской классической философии.

Независимо от того, с каких конкретных событий определять дату рождения отечественной психологии, к началу творчества Л.С.Выготского в русской психологии можно весьма отчетливо выделить три основных направления: медико-биологическое, экспериментально-эмпирическое и религиозно-философское. Причем, именно последнее в наивысшей степени олицетворяло собой своеобразие нашей психологии как психологии вершинной, что закономерно проявилось в конечном итоге в русском персонализме и экзистенциализме.

Достаточно вспомнить содержание уже первой рукописи Л.С.Выготского, чтобы ясно осознать: вершинная психология, психология, синтезирующая в себе жизнедеятельность целостного человеческого существа в его единстве с миром – вот изначальная позиция и изначальный подход к проблемам психологии в творчестве Л.С.Выготского, от самых первых набросков до последних рукописных страниц.

В то время, когда в результате невиданного в истории насилия от России была отъята в буквальном смысле этого слова та часть психологической культуры и мысли, которая как раз и представляла собой душу русской психологии, а обездушенное тело дергалось в реактологических конвульсиях, Л.С.Выготский выполнил историческую миссию воссоздания вершинной русской психологии, обогатив ее

широчайшим контекстом европейского рационализма и американского инструментализма.

Благодаря универсализму Л.С.Выготского, вершинная русская психология возродилась, как Феникс, обновленная и обогащенная достижениями философии Нового времени и современной ему науки.

Осмысление трех основополагающих концепций русской вершинной психологии: русского персонализма, русского экзистенциализма и теории высших психических функций Л.С.Выготского в их взаимосвязи и исторических перспективах – насущная задача отечественной психологии.

ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Л.С.ВЫГОТСКОГО

А.З.ШАПИРО

«...в иступленных словах потрясенной души чувствуется такой трепет касания тайне, что он задевает последние струны души, настраивает ее на последний возможный по высоте лад, самый предельный, еще немного – струна не выдержит и оборвется...»

Л.С.Выготский, «Психология искусства»

Это строки из эссе «Гамлет» – первой «допсихологической» работы Л.С.Выготского, в которой автор неоднократно подчеркивает мистический и символический характер шекспировской трагедии, соглашаясь с точкой зрения тех исследователей Шекспира, которые называют его «наибольшим мистиком всех времен и народов». Смысл трагедии «Гамлет» по Выготскому – в ее религиозности – не в приверженности той или иной конфессии, но в определенном мироощущении персонажей, находящихся в критической ситуации развития, на границе между «бытием» и «небытием».

Можно согласиться с теми биографами Выготского, которые полагают, что он в юношеские годы смотрел на мир глазами Гамлета, его первый труд автобиографичен в своей основе, параллельно с его написанием напряженно решался вопрос личностной идентификации – собственный «гамлетовский» вопрос молодого Выготского был связан прежде всего с экзистенциально-мировоззренческим, а не с чисто профессиональным самоопределением – не только как жить, но и зачем

жить. Об этом свидетельствуют также и работы, которые были написаны Выготским одновременно с эссе о «Гамлете», обладающие сходным с ним духовным пафосом и экзистенциальной мелодией – философские комментарии к иудейским праздникам Ханука, Песах, День 9 ава. К сожалению, эти тексты, опубликованные в журнале еврейской интеллигенции «Новый путь» и только недавно включенные в его полную библиографию («Новый путь», 1916, № 27, р.28-30; 1916, № 48-49, р.50-52; 1917, № 11-12, р.8-10), до сих пор не осмыслены в рамках истории психологии, хотя без них трудно понять «вершинность» культурно-исторической теории и «вершинность» духовного выбора самого Выготского – обращение к психологии. Трудно вообразить Выготского кем-то другим, нежели психологом. Психология оказалась его реальным и окончательным духовным выбором (См. *Вестник МГУ. Сер.14. Психология.*1994, № 4, с.57-58).

Можно полагать, что духовно-религиозные мотивы, присутствовавшие в культурно-историческом пространстве жизни раннего Выготского (еврейская духовная традиция), отразились в его более поздних работах. К ним можно отнести уважение к истории и культуре как силам, формирующим человека; отношение к ребенку и к детству как к самоценности; практика традиционного еврейского образования рассматривать одно и то же явление с разных сторон и только после этого формулировать собственную позицию; интерес к проблеме качественной специфики человека (драме «природы и культуры» по словам самого Льва Семеновича) универсален для всех религий, особое место ему отводится также и в рамках иудаизма – человек рассматривается как не обладающий достаточными внутренними природными ресурсами, на которые он бы мог положиться – только культура и творчество в рамках социальной ситуации развития могут оказаться тем, на что человек может действительно опереться в своей жизни (См. *Вопр. психол.*, 1994, № 4, с.45-55). К сожалению, бытование культурно-исторической психологии в условиях бездуховной советской действительности привело к потере изначально присущей ей экзистенциально-личностной, а потому конкретно-психотерапевтической направленности, так ясно звучавшей в ранних духовных работах Выготского. «Скудное и нищее пламя льет жалкий свет и не освещает ни темных глубин прошлого, ни загадочных далей будущего, ни порогов современности. При их странном отсвете только яснее, разве, увидишь собственную слепоту... настроение нищей радости... это какое-то притяние скорби, ее претворение в одно целое с прошлой радостью и с прошлой скорбью» (Л.С. Мысли и настроения /строки к Ханука/, *Новый путь*, 1916, № 48-49, с.51-52).